

Г. Петкова

«ШКОЛЬНЫЙ КАНОН» П. М. БИЦИЛЛИ¹: ВЗГЛЯД РЕЦЕНЗЕНТОВ

Текст описывает три издания проф. П. М. Бицилли, осуществленные в 1931–1934 гг. и посвященные развитию русской литературы, начиная с фольклора и кончая литературой эмиграции и метрополии 1930-х гг. Этими изданиями П. М. Бицилли участвует в моделировании нового «школьного канона», который срощен с эмигрантским канонам Памяти о Русском и вненациональным Литературоведческим канонам. Представлены рецензии современников профессора, которые оценивают и интерпретируют его авторский канон в контексте уже существующих и общепринятых литературоведческих моделей.

Ключевые слова: П. М. Бицилли, хрестоматия, краткая история литературы, рецензия, литературоведческий канон, эмигрантский канон.

В этой публикации рассматриваются литературоведческие издания, которые профессиональный историк Петр Бицилли осуществил в начале 1930-х гг. с целью удовлетворить нужды русской средней школы в эмиграции: две части «Хрестоматии по истории русской литературы», вышедшие в 1931 и 1932 гг. (первая — по русскому фольклору и литературе допетровского времени, вторая — по литературе XVIII века), и последовавшая за ними в 1934 г. «Краткая история русской литературы. Часть II-ая. От Пушкина до нашего времени» (см. Приложение 2).

Тематическая теснота и хронологическая дополняемость этих изданий позволили, во-первых, увидеть в них некий конструкт, который репрезентирует развитие русской словесности, начиная с фольклора и кончая современной для Бицилли литературой — эмигрантской и создаваемой в метрополии, и, во-вторых, настаивать на том, что в результате селекции (что включить в хрестоматию, а что пропустить) и стабилизации (как толковать авторов, литературные явления и произведения) Бицилли обдуманно участвует

Настоящее размышление является продолжением текста, представленного на международной конференции «Русская классическая литература сегодня: испытания / вызовы мессианизма и массовой культуры» (София, 23–25 мая 2013 года), организованной коллегией Института литературы при Болгарской академии наук и напечатанного под названием «Дать руководящую нить...»: русская (классическая) литература в концептуализациях П. М. Бицилли [Петкова 2013, с. 338–353].

в (пере)моделировании учебной программы эмигрантской школы, предлагая свою концептуализацию русской литературной истории [Петкова 2013, с. 339].

«Хрестоматия по истории русской литературы», вероятно, с самого начала была задумана в двух частях, которые имеют одинаковый формат, идентичное оформление обложек и напечатаны в одной и той же болгарской типографии в Софии.

В предисловии к первой части Бицилли определяет хрестоматию как «чисто литературную» [Бицилли 1931, с. 3] и артикулирует оценочные критерии, на основании которых проводится отбор текстов: «чисто литературный интерес», «собственную эстетическую ценность» материала и «состояние русского литературного языка в XVII веке»³ [Бицилли 1931, с. 3]. В качестве источника составитель использовал две дореволюционные хрестоматии — четырехчастную Хрестоматию Бродского, Мендельсона и Сидорова, переизданную в 1922–1923 гг. в Советской России⁴ и хрестоматию В. Сиповского⁵, сильно сокращая почерпнутый материал. Он стремился представить наиболее ценные образцы литературных произведений в хрестоматии, «доступной по цене всякому» [Бицилли 1931, с. 3].

В первой части тексты распределяются хронологически в два раздела: «Народная словесность» и «Литература допетровского времени».

Первый из них весьма компактен, занимает примерно одну треть всей книги и в «Оглавлении» представлен жанрами, а не заглавиями, за исключением «исторических песен». Бицилли мотивирует свой выбор тем, что «в пределах каждой отдельной категории произведения этого рода с точки зрения стиля, мотивов, трактовки сюжетов, чрезвычайно однообразны» [Бицилли 1931, с. 4]. В таком случае «достаточно знать один образец, чтобы иметь представление обо всех» [Бицилли 1931, с. 4]. Какие тексты он выбирает в качестве моделей? «Песни» имеют свою внутреннюю рубрику — это «обрядовые песни», «свадебные песни», «похоронные причитания», «бытовые песни», «песни удалые и разбойничьи». В эти подрубрики включаются чаще всего отрывки из фольклорных песен. Типовыми образцами «былин» составитель посчитал «Святогор», «Вольга Святославович», «Илья Муромец», «Алеша Попович», «Василий Буслаев» и «Садко богатый гость»; «сказок» — «Кощей бессмертный» и «Иванушка-дурачок»; «духовных стихов» — «О Страшном суде Христовом» и «Стих: похвала пустыни»; «народной комедии» — «Барин и приказчик».

Второй раздел структурирован по хронологическому принципу. В нем выделяются три подраздела: «Литература XI–XV вв.», «Литература московского периода XV–XVI вв.», «Литература XVII в.», каждый из которых в «Оглавлении» представлен конкретными заглавиями. В предисловии Бицилли объясняет присутствие памятников, которые, не будучи художественными произведениями, представляют интерес с точки зрения третьего канонобразующего критерия — слагавшегося в XVII в. общерусского литературного языка. Это 1) сочинения Котошихина и Посошкова и 2) отрывок из «Задонщины», которую составитель считает «незначительным произведением», но важным для выяснения художественной ценности своего образца — «Слова о полку Игореве» [Бицилли 1931, с. 3]. Текст же «Слова» он помещает целиком, исключая места, которые искажены настолько, что их невозможно исправить, и оставляя другие, «темные», но с высоким поэтическим достоинством [Бицилли 1931, с. 4].

Профессор сопровождает некоторые тексты краткими примечаниями и переводами наиболее редких слов, но его комментарии не имеют аналитического характера.

Вторая часть хрестоматии вышла из печати через год. Она превышает объем первой почти в два раза. Весь материал распределяется по семи разделам («Бытовой язык и начатки литературного языка», «Поэзия после Кантемира и Тредьяковского до Державина», «Державин и конец поэзии Высокого стиля», «Проза до Карамзина», «Драма Екатерининского времени», «Карамзин и его время»), которые состоят из подотделов с соответствующими примерами, чаще всего в отрывках. Эта усложненная внутренняя рубрикация книги совмещает хронологический маркер, заявленный в подзаглавии хрестоматии, с критерием «литературный язык», который уже выдвинут в предисловии к первой части. «Оглавление» показывает, что составитель связывает литературное развитие XVIII в. с процессом становления русского литературного языка.

В предисловии ко второй части Бицилли поясняет пропуски комедий Фонвизина и басен Крылова рыночными условиями. Он не хотел раздувать объем и цену хрестоматии, а эти произведения можно найти в доступных изданиях, но тут же рекомендовал: «“Недоросль” должен быть прочитан целиком» [Бицилли 1932, с. 3]. Соображения отсутствия «Истории Государства Российского» Н. Карамзина были совсем иного свойства и диктовались пониманием, «что это произведение приходится на конец периода, когда

“карамзинизм” пошел на убыль», и «для характеристики искусства и языка Карамзина оно не дает ничего нового» [Бицилли 1932, с. 3].

Профессор сопровождает каждый подраздел, кроме постраничных текстологических примечаний, также интерпретационными пассажами, с помощью которых, вероятно, можно прорабатывать материал и без отдельного учебника. Если вырезать эти комментарии и «склеить» их, следуя системе рубрикации, получится своего рода конспект возможной «краткой истории русской литературы XVIII века».

В конце Хрестоматии помещается своеобразное заключение, в котором составитель говорит уже о состоянии литературного языка в пушкинскую эпоху. Переход к русской литературе XIX в. был составителем Хрестоматии намечен, но продолжение случилось через два года.

В 1934 г. выходит «Краткая история русской литературы. Часть II. От Пушкина до наших дней», заказанная Бицилли книжным торговцем и владельцем магазина в Софии Н. Н. Алексеевым, планировавшим еще в 1933 г. «издать серию учебников» [Бицилли 2012, с. 532]⁶. В авторском вступлении уточняются ее адресат, цель и структура.

Русская литература XIX в. представлена обобщающими статьями и персоналиями, которые следуют хронологическому пунктиру. Обобщающие статьи выявляют тенденции литературного развития, доминирующие жанры, предлагают характеристики поэтов и прозаиков соответствующего периода. Отдельные главы посвящены каноническим фигурам русского литературного развития — Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Тургеневу, Достоевскому, Толстому, Чехову. Бицилли расширяет список «литературных генералов», включая в школьный канон и Н. Лескова.

Русской литературе XX века посвящена последняя обзорная глава, в которой представлены, достаточно скупо, многие авторы, начиная с К. Леонтьева и декадентов и заканчивая А. Блоком, Н. Гумилевым и М. Кузминым. Наряду с ними перечисляются имена поэтов (А. Ахматовой, М. Цветаевой, В. Ходасевича, О. Мандельштама, Г. Иванова, Г. Адамовича, Н. Оцупа, В. Хлебникова, С. Есенина, В. Маяковского, Б. Пастернака) и прозаиков (И. Бунина, А. Куприна, И. Шмелева, А. Ремизова, Б. Зайцева, А. Н. Толстого, Н. Тэффи). Общая оценка модернизма неоднозначна, и в сравнении с Золотым веком, Серебряный явно проигрывает. Бицилли буквально в самом конце этой главы останавливается на проблеме разделе-

ния русской литературы на литературы метрополии и эмиграции, утверждая, что обе они развиваются в кризисных обстоятельствах. Он очерчивает «модель» новой советской литературы, упоминает М. Шолохова, К. Федина, Б. Пильняка, Л. Леонова и обращает внимание на проблему «социального заказа», подрывающего художественные достоинства произведений. В отличие от метрополии в эмиграции творцы пользуются свободой, но у них, считает автор, мало читателей, отчего произведения всех даровитых эмигрантских писателей отмечены «настроением духовного одиночества» [Бицилли 1934, с. 87].

За рамки аналитической части книги выносятся биографические сведения об А. Грибоедове, А. Пушкине, М. Лермонтове, Н. Гоголе, И. Тургеневе, Л. Толстом, Ф. Достоевском, Н. Некрасове, А. Блоке, Н. Гумилеве, оформленные как «Приложение». Сведения эти, однако, не исчерпываются только биографическими данными. В них вклиниваются комментарии, интерпретации культурного контекста, а также тех или иных взглядов писателей, их творческих связей и столкновений.

Беглый обзор книги Бицилли показывает, что на ста страницах умещается не столько «история», сколько пунктир развития русской литературы, который побуждал читателя дописать или развернуть авторский конспект.

Все три издания, очевидно, мыслились их составителем и автором как тексты, которые помогут выполнить разом рыночную, социальную и профессиональную задачи: максимально высокое качество содержания за оптимально низкую цену при широком распространении по всей зарубежной России — в различных эмигрантских центрах. Книги Бицилли далеко не исчерпываются изобретением (нового) или редакцией (существующего) «школьного канона». В той степени, в какой они реализуют некую учительную роль, они способствовали не только созданию *педагогического* канона, но и укреплению канона *памяти* в первой половине 1930-х гг. (что и как русские считают нужным хранить в эмиграции), а также артикуляции *литературоведческого* (вненационального, авторского) канона: как можно моделировать русское литературное развитие в диахронии, анализировать литературный текст и т. д. [Петкова 2013, с. 351]. Несмотря на то, что имя автора и его профессорская должность, указанная на обложке, должны были внушать уважение, менторский тон Бицилли не был свойственен, его аналитическая стратегия была ненавязчива. Все это позволило мне поставить сущ-

ностный вопрос — могла ли и для кого канonoобразующая интенция Бицилли стать стабилизирующим дискурсом? [Петкова 2013, с. 352]. Свой тезис о самосозидании-саморазрушении «канонотворчества» Бицилли я решила «испытать» взглядом современников профессора — рецензентов его труда. Оказалось, что его «школьные пособия» активно обсуждались: на сегодняшний день мне удалось разыскать, уточнить и проанализировать девять рецензий и отзывов⁷. Моей целью было посмотреть, как были восприняты издания Бицилли в эмигрантском культурном пространстве, среагировала ли на них и как чужая принимающая среда?

1. Хрестоматия по истории русской литературы. Часть I. Народная словесность и литература допетровского времени. София: Издание Российского Земско-городского комитета, 1931; *Хрестоматия по истории русской литературы. Часть II. Литература XVIII века.* Париж: Издание «Родина и Родная речь». Склад издания УМСА-Press, 1932.

Две части хрестоматии появились одна за другой. По выходу второй части последовали три рецензии-отзыва. Их авторы — педагог Николай Кульман⁸, литературный критик Владимир Вейдле⁹ и поэт Николай Оцуп¹⁰.

Первая по хронологии рецензия принадлежит филологу и профессиональному педагогу *проф. Николаю Кульману*¹¹. Он объясняет выход Хрестоматии заботой о сохранении русскими детьми в эмиграции национального облика, а также необходимостью осуществлять издание различных методических руководств, учебников и учебных пособий. В этом контексте «с удовлетворением» отмечается появление труда профессора П. М. Бицилли. При этом Н. Кульман не принимает ни одного теоретического соображения составителя, высказанного в предисловии, относительно преподавания литературной истории в средней школе. Он принципиально не согласен с подходом Бицилли, что «история литературы есть история смены стилей и жанров»¹². Рецензент настаивает на том, что «вопрос о смене стилей и жанров» является только «частью (курсив здесь и далее Н. Кульмана. — Г. П.) истории литературы и вовсе не исчерпывает ее», что именно «эта часть истории литературы для учеников средней школы мало доступна». Кульман же воспринимает литературную историю шире: «из истории литературы, ставящей и более широкую задачу исследования генезиса литературных явлений во всем их разнообразии и во всей полноте,

а не только в отношении стилей и жанров, можно извлечь многое для исторического преподавания литературы в средней школе, и такое преподавание имеет очень много ценного с разных точек зрения».

Отбор материала для первой части хрестоматии Кульмана устраивает, он находит, что материал из области народной словесности и допетровской литературы «вполне достаточен для учебных целей». Однако его смущают публикаторские принципы составителя, в частности, он предьявляет П. Бицилли упрек в «неясности принятого им при печатании текстов принципа правописания» и интересуется, «на каких соображениях основана принятая им орфография». Рецензент выявляет ряд ошибок в орфографии, которые «могут вызвать недоуменные вопросы со стороны внимательного и вдумчивого ученика и поставить иной раз в затруднительное положение учителя, если он не очень силен в истории языка».

Про вторую часть Хрестоматии, посвященной русской литературе XVIII века, рецензент пишет, что она «очень богата содержанием и может быть признана лучшей из всех существующих хрестоматий этого рода». Н. Кульман не оспаривает основной критерий выбора текстов («развитие русского литературного языка в XVIII веке»), напоминая, что для русской культуры это время усвоения западно-европейских литературных форм и попыток создания национального литературного языка.

Несмотря на несогласия и замечания, Кульман заключает, что «составитель хрестоматии дает превосходный по своему обилию, разнообразию и литературному значению материал, а примечания его, всегда интересные и содержательные, принесут большую пользу и учащим, и учащимся». Общая его оценка высокая: «хрестоматия составлена с большим знанием дела, методическим умением и литературным вкусом». Я позволила себе столь пространное изложение рецензии, так как она была первой и, пожалуй, единственной, где, несмотря на риторику одобрения, ставился вопрос о применимости Хрестоматии (точнее — первой ее части) для школьного преподавания.

*Владимир Вейдле*¹³, хотя публикует отзыв на вторую часть Хрестоматии, что вынесено в заглавие, на самом деле, рассматривает обе ее части. Он считает, что значение этого текста шире, чем быть только учебной книгой: «поучительность ее не ограничивается тем применением, которое она несомненно получит в зарубежных школах»¹⁴.

В отличие от Кульмана Вейдле разделяет подход Бицилли к составлению Хрестоматии. Он сочувственно приводит критерии от-

бора текстов, отмеченные профессором: «литературный интерес» («хрестоматия чисто литературная») и «собственная эстетическая ценность». Эти принципы, считает рецензент, «выгодно отличают хрестоматию П. М. Бицилли от тех, что были на ходу». Во второй части его несколько смущает одна особенность: из-за того, что в ней «особое внимание» уделяется «образованию нового русского литературного языка», составитель привлекает «материал не всегда обладающий самостоятельным художественным значением». Но Вейдле заключает, что «упрекать за это автора могут только те, для кого литература существует в каком-то отвлечении, отдельно от языка, составляющего ее живое тело».

Бицилли был доволен отзывом Вейдле и написал ему 27.X.1933 г.: «...большое удовольствие прочесть отзыв, написанный en pleine connaissance de la cause особенно в последнее время, когда ряды людей, способных понимать читаемое, все более редуют...» [Цит. по: Бирман 2006, с. 692–693].

*Николай Оцун*¹⁵ называет вторую часть хрестоматии (можно предположить, что и первая часть могла бы получить аналогичную идентификацию) «учебным пособием», но его отзыв посвящен не школе. Автор ставит акцент на сохранении «Памяти» о родном: «материал говорит за себя и особенно, может быть, для эмигранта, у которого так ослаблена связь с Россией и которому так нужно в душе эту связь восстанавливать». Автор отзыва высоко оценивает роль составителя, который как будто бы отошел на «задний план», но действительно присутствует в подборе текстов, предложенных пояснениях и справках.

Рецензенты, высоко оценивая работу Бицилли, констатировали ее отличие в лучшую сторону от существующих уже хрестоматий, ее «незамкнутость» на институции школы и «несводимость» к учебному пособию. Каждый из них комментировал разные грани предложенного Бицилли подхода: Н. Кульман акцентировал внимание на педагогическом (не)назначении книг, В. Вейдле — на филологическом аспекте отношений литературы и языка, Н. Оцун — на эмоциональной связи изданий с Родным, на сохраненной Памяти.

II. *Краткая история русской литературы*. Часть II-я. От Пушкина до нашего времени. София: [без издательства], 1934.

«Краткая история» вышла в 1934 г. Последовало шесть рецензий-отзывов – поэта Г. Адамовича¹⁶, литературоведа К. Мочульского¹⁷, журналиста П. Пильского¹⁸, болгарского историка Кр. Крачунова¹⁹,

журналиста Гл. Волошина²⁰ и поэта М. Горлина²¹. Все они положительные²².

Первой рецензией был текст *Г. Адамовича*²³, который оценивает издание сквозь призму возможностей автора «Краткой истории». Адамович отмечает, что историк Бицилли мог бы стать одним из «точнейших критиков», если бы нашел время уделять «текущей словесности» больше внимания. Он напоминает, что критическое дарование профессора можно оценить по рецензиям, регулярно появляющимся в библиографическом отделе журнала «Современные записки». Книга Бицилли предназначена для школы, она «как бы» обыкновенный учебник, но по сравнению с предшествующими литературными историями она «тоненькая», отмечена индивидуальностью своего автора, как и все написанное им, и, будучи предназначенной для детей, интересна и для взрослых.

Далее Адамович довольно парадоксально характеризует рецензируемое издание. Он заявляет, что книга Бицилли — «учебник в высшей степени спорный», так как требует и от рядового педагога, и от рядового школьника напряжения, которое им не под силу, что в нем слишком мало информации и сведений по сравнению с количеством «соображений и суждений». В этом «странном» учебнике есть одно большое достоинство: он должен своей спорностью и субъективностью развить у юношей подлинный интерес к литературе. Бицилли, считает рецензент, хочет внушить тем, кто будет по его книге учиться, принцип единства содержания и формы, который важен и азбучен, но при этом почти во всех прежних учебниках игнорируется. О нем иногда забывает и сам автор, не следующий правилам написания традиционного учебника. В сущности, это «полемический труд», способный, благодаря живому уму и даровитости автора, «задеть» любое постороннее сознание, но не рассчитанный на что-либо другое.

В учебниках не принято отступать слишком резко от установленных «средних» мнений, считает рецензент, а если это происходит, то полагается эти отступления подробно мотивировать. Бицилли пишет для самого себя и сам с собой беседует, что в его книге увлекательно и привлекательно. А «бедным» учителям словесности и школьникам предстоит потрудиться над усвоением этого «причудливого курса». Талантливые и самостоятельные сумеют его дополнить и как бы «выправить», другие же, заключает Адамович, погибнут над интеллектуальной тяжестью и скрытой запальчивостью этой «скромной на вид брошюрки».

Рецензент несколько раз подчеркивает, что Бицилли независим от «средних», общепринятых мнений, а его учебник «нетрадиционен».

Следующие отзывы, наоборот, акцентировали дисциплинирующее начало «Краткой истории». *К. Мочульский*²⁴ отмечает, что работа профессора стала первым опытом сжатого, но полного обзора форм и направлений русской литературы с начала XIX в. и до современных ему дней. Он подчеркивает, что книга Бицилли задумана, в первую очередь, как «руководство» для преподавателей и учащихся. Ее задача — «изложить на ста страницах сложную и многообразную историю» русской литературы классического и современного периода.

Бицилли исправляет пробелы своих предшественников, включив в учебник характеристики творчества А. Герцена, Н. Лескова, К. Леонтьева, пересмотрев односторонние или неверные оценки и, главное, восстановив «правильную перспективу в области произведений словесности». Мочульский не использует такие термины, как «канон» или «модель», но его мысль парафрастически их конструирует.

Глубокие познания в литературе Запада, строгая дисциплина исторического метода и тонкое чувство эстетической формы позволяют П. Бицилли начертить «литературную панораму», которая при всей своей сжатости, нигде не сбивается на схему, а идейное содержание произведений никогда не отрывается от художественной формы, в которую оно вложено, и от общего духовного облика эпохи.

Признавая русскую литературу «самой разнообразной по направлениям и по идейному содержанию из всех европейских литератур того же времени», автор не пересказывает содержание, а объясняет художественные явления: он изучает обстоятельства их возникновения, условия их развития, взаимную связь и обусловленность фактами идейной, общественной, культурной и религиозной жизни России.

Рецензент указывает и на структуру книги — обзорные главы по периодам, которые дают возможность ориентироваться в сложном разнообразии идей, стремлений, форм, жанров, и предшествуют статьям, посвященным отдельным писателям.

К. Мочульский заключает, что книга П. Бицилли — единственная в своем роде, она является не только учебником, но и «синтезом», и может быть признана «авторитетным путеводителем по “садам российской словесности”».

В своем отзыве *П. Пильский*²⁵ предлагает исключительно меткие для краткой газетной публикации характеристики. «История литературы» Бицилли, по его мнению, выходит за рамки «сухого труда» и возвышается над обычным шаблоном литературных историй. Она делает невозможное — приближает читателя-школьника к миру писательства, чтобы, сняв «с него покровы загадочности, сделать его доступным и потому родным».

Пильский отмечает важный принцип книги, которому следует автор: нельзя «пичкать» школу только биографиями писателей и содержанием литературных произведений», так как такой метод только «отводит» от литературы. В этом смысле уместно вынести в приложение биографии писателей. Рецензент также останавливается на структуре книги: отдельные главы предлагают характеристики различных литературных эпох, говорят о «народности» и ее значении в истории русской литературы, о публицистической критике.

Пильский высоко оценивает и попытку Бицилли довести историю до современного ему этапа, при этом включая в нее и советских авторов. Он соглашается с многими формулировками профессора, которые, несмотря на «сжатость», очень справедливы — о романах и героях Достоевского, о сказе Лескова, о Льве Толстом, у которого «была борьба не идей, а влечений сердца», а сам он побеждал в себе «привязанность к радостям жизни», чтобы «явить живой пример смирения, непротivления злу насилieм».

Рецензия *М. Горлина*²⁶ опубликована в одноименном разделе французского «Журнала сравнительной литературы» («Revue de littérature comparée»).

В ней говорится, что выдающийся историк литературы П. Бицилли дает в маленькой книжке «эволюцию» русской литературы с начала XIX века и заканчивая современностью. Он не ставит цели дать перечень произведений и авторов, как в энциклопедии, а предлагает полный «синтез», который опирается прежде всего на анализ стиля.

Горлин подчеркивает, что это исследование отмечено редкой дальновидностью и мудростью, но оно является школьным учебником, адресованным старшим классам гимназии. Создавая его, П. Бицилли вынужден упрощать или же расширять объяснения. В итоге философский синтез, к которому стремится автор, часто стесняется педагогическими задачами. Несмотря на это ограничение, в книге высказаны новые и оригинальные идеи, а некоторые страницы Истории являются «маленькими шедеврами истории литературы».

Горлин заключает, что вынужденное ограничение не мешает Бицилли предложить интересные обобщения, исключительно точные стилистические анализы, а его учебнику — быть «одной из книг наиболее внушительных, которые существуют об истории русской литературы». Учитывая профиль журнала, где публикуется рецензия, ее автор дает высокую оценку компаративистским наблюдениям профессора.

Нарушив хронологию появления рецензий, в конце обзора привожу два текста, написанных и опубликованных в Болгарии. Один из них принадлежит «доброму знакомому» Бицилли — эмигранту и журналисту Глебу Волошину, и напечатан на русском языке в журнале Славянского общества.

*Г. Волошин*²⁷ тоже отмечает, что книга призвана «дать общее представление о развитии русской литературы за рассматриваемый период», и подчеркивает ее инаковость по отношению к существующему русскому учебному канону. Он считает, что учебники по литературе устарели до такой степени, что иные «характеристики героев производят комическое впечатление», столь же устарели «историко-литературные схемы», основанные на «нелитературном балласте», которые якобы объясняют творчество и определяют место писателя в истории литературы. На этом фоне Волошин видит задачу критика и преподавателя в создании нового подхода, который взамен уже существующего должен приблизить читателя или ученика к «правильному восприятию художественного произведения путем изучения элементов, в нем же самом заключающихся». Книга Бицилли «полнее» старых пространных руководств (т. е. существующего литературоведческого канона) и может быть рекомендована в качестве «образца» не только русскому преподавателю, «поскольку автор подходит к творчеству виднейших представителей русской литературы при посредстве приемов, общих современному литературоведению». Предложенная Бицилли модель не ориентирована только на русскую школу или русскую литературу, но «учит», как «надо читать всякое литературное произведение».

Вторая рецензия — болгарского историка и педагогического деятеля *Крыстю Крачунова*²⁸ вышла на болгарском языке в газете «Литературный голос» («Литературен глас»). Крачунов долгие годы был совершенно забыт в Болгарии, но, зная его образование и профессиональные занятия, реально думать, что он и русский профессор-эмигрант знали друг друга. В своем отзыве Крачунов отмечает, что книга Бицилли предназначена преимущественно для русских

средних школ в качестве пособия для преподавателей и учащихся. Цель издания — дать общее представление о развитии русской литературы в рассматриваемый период, а также помочь созданию навыков у молодежи для чтения художественных произведений, таких, которые необходимы для понимания их стилистических особенностей. Вне этих особенностей усвоить содержание произведений немислимо. Крачунов подчеркивает, что автором этого «превосходного» труда является «именитый русский ученый», и, благодаря своей глубокой эрудиции, этот видный историк обогащает русскую литературу ценным сочинением. Он останавливается подробно на структуре книги, перечисляя главы с общими (по периодам) и персональными характеристиками, отмечая также приложение, которое включает «интересные биографические сведения». Рецензент заключает, что это издание заслуживает быть прочитанным не только каждым учителем литературы и истории в болгарской средней школе (гимназии), но и болгарской интеллигенцией, которая всегда черпала знания из громадной сокровищницы русской культуры²⁹.

Оба рецензента «со стороны» — из Болгарии — Волошин и Крачунов ставят вопрос о возможном приложении книги (модели) Бицилли к феноменам, выходящим за рамки русского эмигрантского культурного пространства.

Если собрать повторяющиеся, перекрывающие друг друга фрагменты рецензий и отзывов на «Историю», то можно заметить, что рецензенты:

— отмечают новизну книги Бицилли на фоне уже существующих учебников и шаблонов; она их «исправляет» и уточняет устаревшие пособия. С другой стороны, учебник Бицилли — нетрадиционный, «спорный».

— подчеркивают, что книга адресована русской школе в эмиграции, в первую очередь, русскому преподавателю в ней, но ее адресатом может быть и чужое, не-эмигрантское, пространство (конкретно: болгарская школа, болгарская интеллигенция), т. е. универсальный читатель, интересующийся вообще литературой, так как в ней предлагается модель, «как надо читать всякое литературное произведение».

— едины в том, что цель книги — представить развитие русской литературы — с начала XIX в. по 1930-е гг., при этом в нее включаются и советские авторы. Эта литературная панорама не сбивается на схему, а предлагает т. н. «синтез» литературного развития. Словом, «краткая история» Бицилли — более чем учебник, это «синтети-

ческая работа», «философский синтез», который не укладывается в «прокрустово ложе» учебника. Более того, книга Бицилли отмечена индивидуальностью автора, является «авторским проектом».

— рассматривают «метод» Бицилли, новизну которого видят в том, что автор не пересказывает содержание произведений, как обычно делается в учебниках, а занимается художественными явлениями. Синтез опирается на анализ стиля, акцент делается не на содержании, а на стилистических особенностях литературного произведения. Новый принцип анализа удалил из аналитической части книги биографию писателя как необходимое условие для интерпретации его творчества. Он дал много тонких наблюдений и «шедевры» стилистических анализов. Он же определил и саму структуру книги: обобщающие главы, персоналии и приложение, в котором представлены биографические сведения о писателях.

Отзывы и рецензии на хрестоматии и на краткую литературную историю появились довольно скоро после издания книг. В них частично регистрируется нетождественность последних учебному жанру, но нигде не обсуждается педагогическая прагматика — циркуляция пособий в эмигрантском школьном пространстве или реакция учителей и самой эмигрантской школы, которой они предназначались. В рецензиях не ставится и вопрос о том, насколько издания Бицилли были востребованы в процессе обучения, каким образом и где.

В рецензентском дискурсе «Хрестоматия» и «Краткая история русской литературы» утверждаются как некий элитный литературоведческий проект. Он замкнут, единичен и закамуфлирован под школьную пропедевтику. Его неприложимость к массовому преподаванию в эмигрантской школе занимает второстепенное место, она вменяется автору не столько в упрек, сколько в похвалу. Мог ли этот индивидуальный проект иметь компенсаторные или дополнительные функции по отношению к преподавательской работе Бицилли в Софийском университете, к читаемым им лекционным курсам по «истории», к рецензентской деятельности в эмигрантской печати, к «параллельным» публикациям на болгарском языке? Вопросов о «цикле» литературоведческих изданий Бицилли первой половины 1930-х гг. скорее прибавилось.

Если остаться в поле этничности, то все русские рецензенты — известные фигуры, принадлежащие к эмигрантской культурной элите. Они были знакомыми Бицилли, пребывали с ним в режиме переписки и/или взаимного рецензирования. Например, Бицилли

представил в «Современных записках» во второй половине 1920-х гг. книги Н. Оцуца «В дыму» (в 1927 г.) и «Встреча. Поэма» (в 1928 г.), а позднее (в 1939 г.) — его роман «Беатриче в аду». В 1926 г. В. Вейдле рецензировал первую самостоятельную литературоведческую книгу Бицилли, вышедшую в Праге в том же году, «Этюды о русской поэзии», а в 1933 г. — выпущенное в «Ежегоднике Софийского университета» исследование «Место Ренессанса в истории культуры». В 1937 г. Бицилли написал рецензию на книгу Вейдле «Пчелы Аристея» («Les abeilles d' Aristée»). Аналогичную информацию можно привести и о творческих связях с К. Мочульским, М. Горлином, Г. Адамовичем.

Рецензия или отзыв в ситуации эмиграции — больше, чем просто рецензия, обеспечивающая рецензируемому автору доступ к символической власти. Рецензии поддерживают социальную игру, имеют отношение не только к интеллектуальной инфраструктуре эмиграции (общественной, политической, академической), но и к аффективной, отвечающей за эмоциональную связь и идентичность [Петкова 2012, с. 468]. Диалогический обмен рецензиями интегрирует эмигрантскую общность и стимулирует солидарное бытие «леруссов» (Н. Тэффи). В 1930-е гг., когда усилились центроостремительные процессы в зарубежной России, обмен рецензиями являлся прежде всего *обменом символами Памяти*. И проф. П. Бицилли был его активным участником.

Примечания

¹ Русский историк-медиевист, экстраординарный профессор Новороссийского университета (с 1917) Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) эмигрировал со своей семьей из Одессы в конце января 1920 г. Весной 1920 он назначен гонорарным профессором открытого в том же году филиала Белградского университета (Философского факультета) в Скопье. В октябре 1923 г. Бицилли был приглашен Софийским университетом занять кафедру профессора новой и новейшей истории на Историко-филологическом факультете, которой заведовал в течение 25 лет (1924–1948). Подробная биография профессора написана М. Бирманом [Бирман 2006, с. 633–720]. Специалист по романскому средневековью, параллельно историческим исследованиям и преподавательскому поприщу в годы эмиграции Бицилли обратился к проблемам русской культуры, литературы и языка. Его многочисленные филологические работы на «русскую тему» печатались в эмигрантской и болгарской периодике и научных изданиях. О них см.: Вомперский, П. Петр Михайлович Бицилли. Жизненный и творческий путь [Вомперский 1996, с. 6–21]; Васильева, М. Путь интуиции [Васильева 2000, с. 5–28]; Петкова, Г. Литературоведский проект на проф. П. М. Бицилли: между Салимбене и Пушкин / Литературоведческий проект П. М. Бицилли: между Салимбене и Пушкиным (Опыт реконструкции) [Петкова 2004]. Настоящая публикация выходит в юбилейном для П. Бицилли году — 1 октября 2014 г. исполняется 135 лет со дня его рождения.

² В Приложении к настоящей работе публикуются обложки этих изданий и их оглавления.

³ Бицилли сразу оговаривается, что последний критерий может оспариваться двумя предыдущими [Бицилли 1931, с. 3].

⁴ В предисловии Бицилли сам цитирует «хрестоматию Бродского, Мендельсона и Сидорова, Г. изд. 1923» [Бицилли 1931, с. 3]. Информация о том, что эта четырехчастная «Историко-литературная хрестоматия» переиздана в 1923 г., уточнена по электронному каталогу РГБ. Выходные данные ее первых двух частей следующие: «Историко-литературная хрестоматия. Часть I. Устная народная словесность с историческими и этнографическими комментариями». Составили Н. Л. Бродский, Н. Ш. Мендельсон, Н. П. Сидоров. Издание третье. М.-Пг.: Госиздат, 1922; «Историко-литературная хрестоматия. Ч. 2: Древняя русская письменность: XI–XVII вв.». Составили Н. Л. Бродский, Н. Ш. Мендельсон, Н. П. Сидоров, 2-е изд. М.-Пг.: Госиздат, 1923.

⁵ Вероятно, имеется в виду: Сиповский В. Хрестоматия для изучения истории русской словесности. Выпуск. Древнерусская письменность (до конца XVII века). М., 1915.

⁶ Первая часть так и не вышла из печати, если вообще она была когда-либо написана. Подробнее о творческой истории создания книги и об основаниях, на которых строится литературная история Бицилли, см.: [Петкова 2013, с. 347–348].

⁷ Выражаю свою признательность коллеге Хане Оплешиловой из Славянской библиотеки в Праге за содействие в получении копий рецензий и отзывов на издания П. Бицилли.

⁸ Николай Кульман (1871–1940) — историк литературы и филолог. Учился в Петербургском университете. Преподавал в школах для рабочих. Состоял профессором женского Педагогического института, Александровского лицея и военно-педагогических курсов. Автор ряда ценных работ по русской литературе первой половины XIX века. Кульман много сотрудничал в педагогических изданиях, например, в «Русском народном учителе». С 1915 г. он редактирует еженедельный журнал «Летопись средней школы». В 1919 г. эмигрировал в Константинополь, затем переехал в Париж. С 1923 г. — профессор русской литературы на созданном в эти годы Русском историко-филологическом отделении в Сорбонне в Париже. Читал лекции по церковнославянскому языку в Свято-Сергиевском богословском институте.

⁹ Владимир Вейдле (1895–1979) — литературовед, культуролог, историк культуры русской эмиграции, поэт. Автор многочисленных эссе по истории русской и европейской литературы и художественной культуры, о судьбах христианского искусства, месте России в духовной истории Европы.

¹⁰ Николай Авдеевич Оцуп (1894–1958) — поэт и переводчик, основатель журнала «Числа», в котором Бицилли печатается с первого номера.

¹¹ Все цитаты из рецензии даются по: [Кульман 1932, с. 3].

¹² О концептуализации «истории литературы» как «истории смены стилей и жанров» П. Бицилли см.: [Петкова 2013, с. 344–345].

¹³ Все цитаты из рецензии даются по: [Вейдле 1932, с. 465–466].

¹⁴ Имеются в виду «русские школы за рубежом».

¹⁵ Все цитаты из рецензии даются по: [Оцуп 1932, с. 285].

¹⁶ Георгий Адамович (1892–1972) — поэт-акмеист и литературный критик, переводчик. В эмиграции выступал с критическими статьями и эссе, получил репутацию «первого критика эмиграции», печатался в журнале «Звено», а с 1928 г. — в газете «Последние новости», где вел еженедельное книжное обозрение. Один из ведущих авторов журнала «Числа», редактировал журнал «Встречи» (1934).

¹⁷ Константин Мочульский (1892–1948) — литературовед, философ, с 1918 года — доцент Новороссийского университета. В эмиграции сначала жил в Софии, где преподавал в Софийском университете. В 1922 г. переехал во Францию, где в 1924–1940 гг. читал в Сорбонне курсы по истории русской литературы и философии. С 1934 г. преподавал в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. Печатал критические статьи и рассказы в эмигрантской периодике.

¹⁸ Петр Пильский (1876–1941) — журналист, критик, обозреватель газеты «Сегодня» (Рига), заведующий её литературным отделом, писатель.

¹⁹ Крстю (Кръстю) Крачунов (1881–1946/47?) — болгарский историк, воспитанник Сорбонны, посвятил двадцать восемь лет своей жизни болгарскому образованию. Учитель истории, географии и французского языка в Первой мужской гимназии в Софии, потом инспектор по истории в Министерстве народного просвещения. Секретарь Исторического общества и редактор «Известий исторического общества». В наши дни «забытый» Крачунов занял свое место в культурной памяти благодаря болгарскому историку проф. Рае Заимовой [Заимова 2010, с. 167–178]. Выражаю свою благодарность проф. д.ф.н. Р. Заимовой за любезно предоставленные материалы о Кр. Крачунове и за наши обсуждения о его роли в культурной жизни Болгарии 1930-х гг.

²⁰ Глеб Волошин-Петриченко (1892–1937) — подполковник Добровольческой армии, юрист, публицист. С 1925 г. эмигрант в Болгарии, секретарь Союза русских писателей и журналистов, редактор газет «Русь», «Голос» и «Голос труда». Сотрудничал в «России и славянстве» (Париж) и журнале «Современные записки» (Париж), в болгарской печати.

²¹ Михаил Горлин (1909–1944) — поэт, филолог-славист. Эмигрировал в Берлин, где в 1927–1931 гг. изучал славянскую филологию у проф. М. Фасмера, написал диссертацию «Н. В. Гоголь и Э. Т. А. Гофман» (1933). С 1933 г. — в Париже, где работал ассистентом А. Мазона в Институте славяноведения (Institut d' Etudes slaves).

²² Сразу по выходе «Краткой истории» в июле 1934 г., Бицилли писал редактору «Современных записок» В. Рудневу с просьбой «дать рецензию» в ближайшем номере журнала [Бицилли 2102, с. 541]. Вероятно, последний предпринял шаги в эту сторону и обратился к В. Ходасевичу с предложением написать отзыв. Тот, однако, отказался, так как не хотел давать «уничтожающую» рецензию, он посчитал книгу Бицилли «ляпсусом», не приняв в первую очередь ее «метод» (письмо В. Ходасевича к В. Рудневу от 23 августа 1934 г.) [Ходасевич 2012, с. 354]. Отказ от неаполетической рецензии, очевидно, имеет прямое отношение к тому обмену рецензиями, о котором говорится в заключении этой работы.

²³ Все цитаты из рецензии даются по: [Адамович 1934, с. 3].

²⁴ Все цитаты из рецензии даются по: [Мочульский 1935, с. 467–468].

²⁵ Все цитаты из рецензии даются по: [Пильский 1935, с. 6].

²⁶ Все цитаты из рецензии даются по: [Gorlin 1935, p. 379–380].

²⁷ Все цитаты из рецензии даются по: [Волошин 1935, с. 105–106].

²⁸ Все цитаты из рецензии даются по: [Крачунов 1935, с. 4].

²⁹ Рецензия Крачунова неожиданно поставила для меня вопрос о возможном «болгарском следе» в создании учебника Бицилли, который разрабатываю отдельно.

Приложение¹

1.

Хрестоматия по истории русской литературы. Часть I. Народная словесность и литература допетровского времени (XI — XVII в. в.). Составил проф. П. М. Бицилли. София: Издание Российского Земско-городского комитета, 1931

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие — 3

Отдел I. Народная словесность

Песни — 5

Былины — 13

Из исторических песен: Петр Великий — 23

Сказки — 26

Из духовных стихов — 32

Народная комедия — 35

Отдел II. Литература допетровского периода

I. Литература XI—XV вв.

Из Летописи Нестора — 37

Из Хождения игумена Даниила в Святую Землю — 39

Из Поучения Владимира Мономаха — 43

Из Моления Даниила Заточника — 46

Слово о Полку Игореве — 49

Перевод Слова на современный язык — 56

Из Задонщины — 62

Из Жития преп. Сергия Радонежского — 64

Из Слова о погибели Земли русской — 67

II. Литература московского периода XV—XVI вв.

Из Путешествия Афанасия Никитина — 67

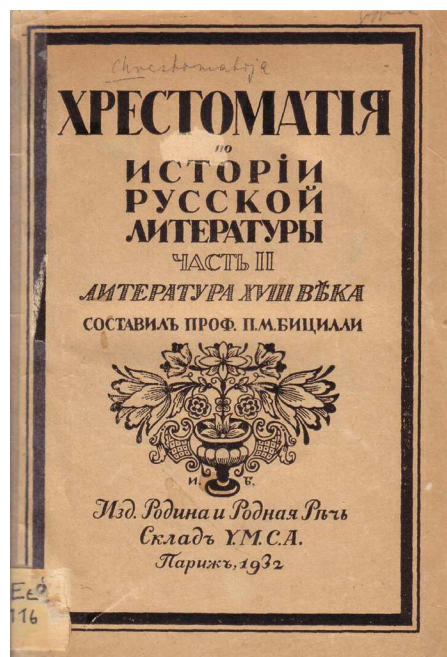
Из переписки Ивана IV с Курбским — 70

III. Литература XVII в.

Список судного дела как тягался Лещ с Ершом — 74

История о российском дворянине Фроле Скобееве — 75

Из сочинения Котошихина о России — 82

- Из Истории об Азовском сидении — 85
 Повесть о Горе-Злосчасти — 91
 Из сочинений протопопа Аввакума — 96
 Отрывок из Романа в стихах — 105
 Из сочинения Посошкова *О скудости и богатстве* — 109

Хрестоматия по истории русской литературы. Часть II. Литература XVIII века. Составил проф. П. М. Бицилли. Париж: Издание «Родина и Родная речь». Склад издания УМСА-Press, 1932

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие — 3.

Отдел I. Бытовой язык и начатки литературного языка

I. Бытовой язык 18 в.

Из предисловия к «Езде в остров любви» Тредьяковского — 5. Из Морского устава Петра В. — 7. Из духовного завещания Татищева — 9. Письма Ломоносова — 10. Письма Суворова — 12. Письма гр. Орлова-Чесменского — 13. Записки Неплюева — 14. Записки Данилова — 16. Записки кн. Долгоруковой — 20.

II. Вопрос о стихосложении и споры о литературном языке в 1-ю пол. 18 в.

Кантемир, На хулящих учение — 25. Тредьяковский, Тилемахида — 28. Сумароков, Епистола о русском языке — 30. Сумароков, Наставление хотящим быти писателями — 32. Ломоносов, Рассуждение о пользе книг церковных — 33.

Отдел II. Поэзия после Кантемира и Тредьяковского до Державина

I. Образцы поэзии «высокого стиля».

Ломоносов, Оды — 36. Сумароков, Хорев — 49². Херасков, Россияда — 41.

II. Поэзия «среднего стиля».

Ломоносов, О пользе стекла — 40³. Сумароков, Агнеса — 46. Ржевский, Сонеты; Истинная любовь.

III. Образцы поэзии «низкого стиля».

Сумароков, Песни — 47; басня «Волк и ягненок» — 49. Хемницер, Басни — 49.

Отдел III. Державин и конец поэзии высокого стиля

I. Державин, Стихотворения — 53.

II. Конец поэзии «высокого стиля».

Майков, Елисей — 78. Богданович, Душенка — 83.

Отдел IV. Проза до Карамзина

I. Новый слой читателей и новые интересы

I. Начатки прозаической литературы и работа над языком — 91.

II. А. Т. Болотов и его записки — 94.

III. Фонвизин. Автобиография — 109. Письма — 112. Опыт российского словника — 116.

IV. Публицистика — 118.

Наказ Екатерины — 119. Из «Живописца» Новикова — 120. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву — 124. Щербатов, О повреждении нравов в России — 126.

Отдел V. Драма Екатерининского времени

Екатерина, О время! — 131. Аблесимов, Мельник — 137. Капнист, Ябеда — 141.

Отдел VI. Карамзин и его время

I. Карамзин

Письма русского путешественника — 157. Бедная Лиза — 171.

II. Карамзинизм

Шаликов, Путешествие в Малороссию — 181. Дмитриев и Нелединский-Мелецкий, Песни — 182. Дмитриев, Чужой толк — 183. Дмитриев и В. Пушкин, Эпиграммы — 185. Озеров, Эдип в Афинах — 185. Шишков, Рассуждение о старом и новом слоге российского языка — 167. Языки славянский и русский — 189. Макаров, Ответ на Рассуждение Шишкова — 190.

Профессор П. Бицилли. Краткая история русской литературы. Часть II-я. От Пушкина до вашего времени. София: [без издательства], 1934

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора — 3

Введение — 5

Общий характер русской литературы в первой четверти XIX в. — 6

Пушкин — 12

Лермонтов — 20

Гоголь — 24

Белинский — 30

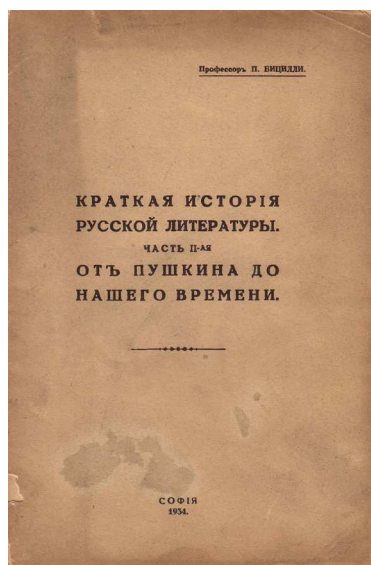
Общий характер русской литературы после Гоголя — 33

Тургенев — 36

Толстой — 41

Достоевский — 49

Николай Сем. Лесков — 56

Поэзия середины XIX в. — 58

Идея народности и ее значение в истории русской литературы — 66

Литература и общество во второй половине XIX в. — 69

Антон Павл. Чехов — 74

Русская литература новейшего времени — 77

Приложение — 88

Примечания

¹ При публикации оглавлений сохраняется визуальное тождество с оригиналом. Воспроизводятся идентично оформление самой страницы, расположение заглавий и подзаглавий, их последовательность, положение номера страницы, указывающего на начало соответствующего текста. Орфография нормализована.

² Вероятно, опечатка. Отрывок из трагедии Сумарокова «Хорев» (1747) начинается на стр. 40.

³ Вероятно, опечатка. Отрывок из «Послания к И. И. Шувалову о пользе стекла» начинается на стр. 44.

Источники

Адамович Г. Литературные заметки. П. Бицилли П. «Краткая история русской литературы» (от Пушкина до наших дней). София 1934 // Последние новости. 1934. 29 авг. № 4900. С. 3.

Бицилли П.: Хрестоматия по истории русской литературы. Ч. I: Народная словесность и литература допетровского времени. София: Издание Российского Земско-городского комитета, 1931.

Бицилли П.: Хрестоматия по истории русской литературы. Ч. II: Литература XVIII века. Париж: Издание «Родина и Родная речь». Склад издания YMCA-Press, 1932.

Бицилли П.: Краткая история русской литературы. Ч. II: От Пушкина до нашего времени. София: [без издательства], 1934.

Бицилли П. М. «Современные записки» все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них: П. М. Бицилли / Публикация и примечания М. А. Бирмана и М. Шрубы; вступ. статья М. А. Бирмана // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): из архива редакции / под ред. Олега Корестелева и Манфреда Шрубы. М: НЛО, 2012. Т. 2. С. 479–646.

Вейдле В. П. М. Бицилли. Хрестоматия по истории русской литературы. Ч. II: литература XVIII века (Критика и библиография) // Современные записки. Париж. № 50, <октябрь 1932>. С. 465–466.

Волошин Г. Проф. Бицилли. Краткая история русской литературы // Славянски глас XXVIII. София. 1935, № 2. С. 105–106.

Крачунов К. Между книгите и списанията. Професор П. Бицилли — Краткая история русской литературы. Ч. II, София, 1934 // Литературен глас VII. София. № 263 / 20 февруари 1935. С. 4.

Кульман Н. Проф. П. М. Бицилли. Хрестоматия по истории русской литературы. Ч. I — II. // Россия и славянство. Париж IV. 1932. 13 авг. № 194. С. 3.

Мочульский К. Проф. П. Бицилли. Краткая история русской литературы. Ч. 2: От Пушкина до нашего времени // Современные записки. Париж. <январь 1935>, № 57. С. 467–468.

Оцун Н. Хрестоматия по истории русской литературы. Ч. II. Париж, YMCA, 1932. Состав. проф. П. Бицилли // Числа. Париж IV. 1933, № 7–8. С. 285.

Пильский П. П. Бицилли: «Краткая история русской литературы». Часть II-ая. От Пушкина до вашего времени // Сегодня. Рига. 1935. 4 февр. № 35. С. 6.

Ходасевич В. Ф. «Журнальная работа и вроголодь не кормит»: Н. Н. Берберова и В. Ф. Ходасевич / публикация, вступ. статья и прим. Дж. Малмстада // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): из архива редакции / под ред. Олега Корестелева и Манфреда Шрубы. Т. 2. М: НЛО, 2012. С. 255–440.

Gorlin M. P. Bizilli. Kratkaja istorija ruskoj literatury. Čast' II. Ot Puškina do našego vremeni (Précis d'histoire de littérature russe. Seconde partie: de Pouchkine à nos jours) Sofia, 1934, 100 pages // Revue de littérature comparée. Paris, XV. 1935, № 2. P. 379–380.

Исследования

Бирман М. П. М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / сост. Ф. Б. Успенский. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 633–720.

Васильева М. Путь интуиции // Бицилли П. М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / сост., вступит. статья, коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 5–28.

Вомперский В. Петр Михайлович Бицилли. Жизненный и творческий путь // Бицилли П. М. Избранные труды по филологии / сост., подготовка текстов и комм.: д. ф. н. В. П. Вомперский, И. В. Анненкова. М.: Комиссия по истории филологических наук при ОЛЯ РАН, «Наследие», 1996. С. 6–21.

Займова Р. Русо — Крачунов или за един български прочит [Электронный ресурс] // Природа и общество. Нови изследвания за Жан-Жак Русо. Nature et Société. Nouvelles études rousseauistes. Съст. и ред. Р. Займова и Н. Аретов. София: Кралица Маб, 2010. С. 167–178. URL: http://www.bulg18.com/Rousseau/Zaimova_bg.htm (дата обращения: 26.12.2013).

Петкова Г. Литературоведският проект на проф. П. М. Бицилли: между Салимбене и Пушкин. / Литературоведческият проект П. М. Бицилли: между Салимбене

и Пушкиным (Опыт реконструкции) [Электронный ресурс] // Бицили, П. Салимбене и Пушкин. Съст., предговор и бележки Г. Петкова. Варна: Електронно издателство LiterNnet, 2004. URL: <http://liternet.bg/publish10/gpetkova/proekt.htm>; http://www.liternet.bg/publish10/gpetkova/proekt_ru.htm (дата обращения: 26.12.2013).

Петкова Г. Культурная картография русской эмиграции первой волны (1919–1940): концепт «эмигрантский центр» // Славяните. Общество, религия, култура. Юбилеен сборник в чест на 60-годишнината на професор д-р Панайот Карагьозов. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2012. С. 463–471.

Петкова Г. «Дать руководящую нить...»: русская (классическая) литература в концептуализациях П. М. Бицилли // Toronto Slavic Quaterly. № 44. Spring 2013. С. 338–353. URL: http://www.utoronto.ca/tsq/44/tsq44_petkova.pdf (дата обращения: 26.12.2014)

Е. Р. Пономарев

ВОСПИТАНИЕ НОВЫХ ЛЮДЕЙ. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ 1930-х ГОДОВ

1930-е гг. — время, когда складывалась советская школьная система. Литература становилась главным идеологическим предметом, и методика ее преподавания была одновременно и педагогической и политической проблемой. Вопросы обучения отходили на второй план, главным признавали воспитание советского человека. Способы воспитания «гомо советикус», прикрытые обсуждением вопросов методики преподавания литературы, рассматриваются в статье.

Ключевые слова: 1930-е гг., методика преподавания литературы, гомо советикус, советское воспитание, советская школа

Методика преподавания литературы, как и советский учебник, родилась в середине 1930-х гг. По мере стандартизации преподавания литературы возникла необходимость не только в упорядочивании изучаемого материала, но и в фиксации методов, при помощи которых следовало этот материал изучать. Советская власть стремилась контролировать любые педагогические проявления и не оставляла лазеек для несоветского преподавания главного идеологического предмета.

Основанный в 1936 г. журнал «Литература в школе» свидетельствует не только о возрастающей важности литературы в рамках школьной программы, но и об универсализации методов обучения литературе. Журнал указывал основные цели обучения, оценивал те или иные методы, формулировал обязательные для всех советских учителей литературы положения.

Первые годы издания журнала представляют исключительный интерес: на его страницах решаются центральные вопросы педагогики: «что преподавать?» и «как преподавать?» (первый вопрос вскоре станет как бы очевидным, отойдет на второй план, второй же вопрос займет место первого) — и закладываются основы советской методики, на которых советская школа будет базироваться в течение всей своей истории.